

*Моему доброму другу Сергею Соломонову
за помощь в работе над этой пьесой*

Действующие лица:

Люба – 16 лет.

Вера Тимофеевна – 41 год.

Святой отец – 46 лет.

Сцена 1

Комната для свиданий в женской колонии для малолетних. На стуле сидит женщина, Вера Тимофеевна. Она в простом пуховике и вязаной шапке. С улицы чуть приглушенно слышатся строевая песня, которую исполняют женские голоса: «Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома...», и монотонный звук марширующих ног. «Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость!..» Песня стихла. Приглушенные, но бодрые голоса с улицы. Мужской: «Здравствуйте, воспитанницы!» Женские (хором): «Здравия желаем, товарищ майор!» – «Хорошо здороваются!» – «Твердо стоим на пути исправления!» Кажется, Вера глубоко задумалась о чем-то... Потому что не сразу отреагировала, когда в комнату вошла Люба. Точнее, ее туда будто бы втолкнули. За Любой, скрипнув или даже лязгнув, закрылась дверь. Этот звук и вывел Веру из раздумий, и она повернула голову к Любе. Несколько мгновений обе глядят друг на друга. Вера встает, снимает шапку, делает шаг к Любе. Вера ниже и худее Любы. Люба, хоть и не слишком высокая, но довольно крепкого телосложения и, несмотря на юный возраст, по-женски весьма развита. Она в зимней тюремной одежде.

Люба. Вы?! (Громко.) Эй! Че за подстава?

Люба барабанит в дверь.

Люба. Откройте, э! (Вере.) Я еще думаю: кого это ко мне принесло? Неужто пацан мой обо мне вспомнил? Больше-то некому: подружки – чихали! Мамаша – чихала! Отомстить пришла? Хрен тебе! (Показывает средний палец.)

Люба хочет выйти, ломится в закрытую дверь.

Люба. (Паникует.) Не имеете права! Она мне не родня! Я не останусь с ней! У нее стопудово под курткой нож! Или заточка!

Вера расстегивает пуховик, остается в простом платье. Видно, что колющих, режущих предметов у нее нет. Вера вешает пуховик на спинку стула.

Вера. Люба, меня уже проверили, прежде чем пустить к тебе. Но если тебе будет спокойнее, воспитатель вернется.

Люба вновь ломится в дверь и, когда ей не открывают, медленно, вызываяще, будто по подиуму проходит в центр комнаты. Люба стягивает с головы черный платок, ватник, на котором нашивка с ФИО Любы. Люба остается в тюремном платье, на груди которого нашивка с ФИО Любы. Люба швыряет на пол пуховик Веры, усаживается на стул.

Люба. Я тебя, гнида, не боюсь!

Некоторое время Люба беспечно сидит на стуле, демонстрируя полное безразличие и неуважение к Вере, но под ее взглядом Любе все ж не по себе, однако она изо всех сил пытается скрыть, что нервничает. Люба достаёт сигарету, закуривает.

Вера. Разве здесь можно?

Люба. Мне везде можно.

Вера. Как живешь, Люба?

Люба (вызывающе). Нормально живу. В активе я. А таких досрочно освобождают. Так что десять лет я тут чалиться не собираюсь, и не надейтесь! Лет восемь максимум. Или и того меньше. Вы думали, вы меня наказали? Мне тут нравится!

Лучше, чем дома! Тут тараканов нет. И еда есть. И постель тут чистая. А работа несложная: покрутила с утра машинку, двадцать простыней – и гуляй! Так что удачно я тогда набухалась и соплячку твою запинала! Нам даже кино показывают.

Вера (спокойно). Рада за тебя.

Некоторое время Вера молча смотрит на Любу.

Люба (не выдержав взгляда). Если вы думаете, что я извиняться буду, зря ждете. Я же еще на суде сказала: в содеянном не раскаиваюсь!

Вера. Так ведь с тех пор почти год прошел.

Люба (вскакивает). Да хоть десять! Не раскаиваюсь – и точка!

Вера. Значит, ты совсем не изменилась?

Люба. А с фи́га ли мне меняться?! Я сама себя устраиваю. А вот вы похудели. И синяки под глазами.

Вера. Что ты говоришь!..

Люба. Плохо спите, что ли?

Вера. А ты хорошо спишь?

Люба. Как младенец!

Вера. А сны какие видишь?

Люба. Если вы намекаете на то, снится ли мне ваша дочь – нет, не снится. Ни разу не приснилась.

Вера. А мне снится. Когда удается уснуть – что бывает нечасто, – сразу сон вижу про нее.

Люба. Ну, это само собой, вы же ее мать! Если бы у меня на глазах моего ребенка убили, я бы, наверное, тоже спать не могла и кошмары бы видела.

Вера. Ты думаешь, у тебя родится ребенок?!

Люба. Когда-нибудь – обязательно!

Вера. И замуж выйдешь?

Люба. Необязательно. Я и просто так рожу. Одна. Для себя. Как вы.

Вера. С чего ты взяла, что я одна?

Люба. Что-то я вашего мужа ни разу на суде не видела. Был бы – пришел. Или еще раньше порвал бы меня. Попытался бы. *(Ехидно улыбается.)* Только меня-то ведь голыми руками не возьмешь! У меня знаете сколько сил? *(Усаживается за стол, ставит руку на локоть, предлагая армрестлинг.)*

Вера. Выходит, нет у меня мужа?

Люба. Выходит, нет.

Вера. А что, если он с собой покончил? Трагедию пережить не смог?

Люба. Тем хуже. В аду, значит, он.

Неожиданно Вера садится за стол. Вера и Люба берутся за руки.

Вера. Ты думаешь?

Люба. Самоубийцы все в ад попадают. Начали!

Вера *(пытается уложить руку Любы).* Кто тебе такое сказал?

Люба *(пытается уложить руку Веры).* Священник. Ну или поп там... батюшка... Я в них не разбираюсь. Приходит по спецпрограмме.

Вере удается руку Любы уложить.

Люба *(удивленно, потирая руку).* Ого! Никогда бы не подумала! Сама маленькая, а силищи сколько! Один-ноль!

Вера. Это он тебе про ад рассказал?

Люба. Ну а кто еще?! Говорит, что грешники будут гореть за свои грехи, а кто при жизни в Иисуса Христа уверует, тот в рай! А кто сам себя убил – тот в ад! Будь он хоть триста раз святой!

Вера. А если другого человека убил?

Люба. А тут вообще шоколад: если убил, оно, конечно, не очень хорошо... Но! Если поверишь, что Иисус – твой спаситель, тебе убийство не засчитается. Только я не догнала, от чего именно он всех спас. Но это я еще разберусь. Главное, в Бога поверить!

Вера. Выходит, можно убивать, грабить, а потом поверить – и в рай?

Люба. Выходит, так.

Вера. А ты, значит, в рай собралась?!

Люба (с опаской). Эй-эй! Я еще никуда не собралась! Я поживу еще! Потом, когда умру, то, конечно, в рай. А че я в аду долбаном забыла? Если в рай так просто – поверил в Бога и прошел, так я поверю, че мне стоит!

Вера. А про заповеди батюшка не рассказывал? Не убий, не укради...

Люба. Да, что-то такое заливал. Но мы с девками ржали, потому что мы тут все и убили, и украли! (Смеется.) Только это... как его... ну, когда жрешь много? Что за грех?

Вера. Чревоугодие.

Люба. Это нам точно не грозит, тут паршивенько кормят. Не в смысле невкусно, а мало дают. Чревоугодие... слово какое смешное! Хотя мне больше фишка про ад с раем понравилась! Я решила: когда состарюсь, перед смертью в Бога поверю. И буду в раю виноград прямо с ветки кушать! (Снова руку ставит для армрестлинга.) Ну что? Второй тур?

Вера (всматривается в Любу). Я все понять пытаюсь: ты – дебилка? Или не осознаешь, что натворила?!

Люба (вскакивает, агрессивно). А че она, соплячка! Начала, блин, пальцем в меня тыкать! И ржать, как лошадь! Мне отлить приспичило! Я же не в песочнице села, а в сторонке, возле горки! Она вся раздолбанная была, на ней никто и не катался!

Вера (в тихом гневе). Замолчи, тварь!..

Люба (вызывающе). Вы сами виноваты! Надо было лучше за ребенком своим смотреть, а не ушами хлопать!

Вера (бормочет, пытаюсь успокоиться). Пистис-эльпис-агапэ! Пистис-эльпис-агапэ!

Люба. Ты че бормочешь, ведьма? Я в эту хрень не верю! (Ломится в дверь.) Эй, гусыня! Кума! Где вы там?

Вдруг с Верой происходят странные вещи: она принимается ходить туда-сюда по комнате. То улыбается, то вдруг резко садится на пол и горько плачет. Люба совершенно растеряна и немного напугана. Люба пытается успокоить Веру.

Люба (успокаивающим тоном). Нельзя детей без присмотра оставлять. Мы ведь в какое время живем? В жестокое! Общество у нас какое? Озлобленное! А я, когда бухая, знаешь какая дурная становлюсь? Мне ваще пофиг, кто передо мной – мужик ли, баба...

Вера (взрываясь). Перед тобой был ребенок!

Люба (агрессивно). У нас свободная страна! Может человек посрать на родной земле?! Или ему это запрещено?! Какая-то мелочь учить меня будет! Пальцем тыкать, смеяться! Сама, что ли, не ссыт никогда?! Если бы вы по телефону не болтали, вы бы увидели, успели добежать и оттащить меня. Да хоть за волосы! Я же, когда бухая, боли не чувствую.

Вера. А когда трезвая? Чувствуешь?

Люба (пятится). Не приближайся, урою!

Вера достает из сумки... фото, протягивает Любе. Люба не берет. Тогда Вера кладет фото на стол. Люба осторожно подходит, глядит на фото, на Веру.

Люба. Че это?..

Вера. Убитая тобой Надя. Сегодня у Нади день рождения.

Люба. Поздравляю...

Вера. Ей было бы девять.

Люба. Я не догоняю: вы че, пришли сюда ее днюху праздновать?!

Вера (одевается, бормочет). Пистис-эльпис-агапэ...
Пистис-эльпис-агапэ...

Вера надевает шапку, застегивает молнию пуховика. Идет к двери. Вера и Люба глядят друг на друга. Вера стучит в дверь. С той стороны ей отпирают. Вера выходит, Люба остается одна.

Сцена 2

Дисциплинарный изолятор (ДИЗО). Откидной стол, нары. В углу раковина и ведро. На стене фото девочки Нади и плакат: «Воспитанница, помни: твое пребывание здесь должно быть последним!». Люба моет полы в камере, платье подвязано на талии, голубые панталоны, на попе прямоугольный штамп с буквами «ВТК». Люба возит тряпкой по полу, пятится попой к зрителю. На двери откидывается окошко для еды.

Люба. Жрать не буду!

В окошке появляется лицо Веры.

Вера. Люба, здравствуй. Можно войти?

Люба (не отрываясь от мытья пола). Ща, погодь, закончу. У меня половая жизнь.

Вера. Что?

Люба. Половая. Не видишь, полы мою? Другой тут нет.

Отпирается дверь, входит Вера, она в плаще. У нее небольшая сумка и сверток с гостинцем. Вера раскрывает мокрый зонт, ставит в угол сушить. Снимает плащ, остается в платье с закрытой шеей.

Люба (ворчит). У-у! Натопчет щас... Че приперлись? Дачку, что ли, принесли?

Вера видит фото своей дочери. Кладет на нары сверток с едой. Осматривает убогую камеру. Люба подозрительно глядит на сверток.

Вера. Угощение тебе.

Люба. Отравить надумали? Не на ту напали.

Вера. Проверили на входе. Все в порядке.

Люба порылась, оценила содержимое свертка.

Люба (одобрительно). О, да это не дачка, это прям кабанчик! А сиги есть? (Прикладывает средний и указательный палец к губам.)

Вера. С сигами не пропустят.

Люба. Оно верно. Сиги лучше кидняком передать. Ну, в смысле через забор бросить. Че, похаваем!

Люба схватила бутерброд, хочет, но не решается откусить. Вера берет другой бутерброд, откусывает, через несколько мгновений Люба тоже с жадностью ест.

Люба (с набитым ртом). В апельсины можно шприцом чистого спирту залить. Или тот же кидняк – в резиновую грелку водяры. Но главное – это сиги! Я задолбалась машкам курево раздавать. Они отлизывают за сигареты, когда...

Вера (перебивает). В прошлый раз ты говорила, что голодаешь.

Люба. Не голодаю, а недоедаю. На завтрак – «сечка», на обед – «могила», такими харчами сыт не будешь.

Люба открывает круглый, похожий на тарелку контейнер с едой.

Люба. Шлемак зачетный! Не то что наши жестянки. А весло есть?

Вера вопросительно смотрит на Любу.

Люба. Ну, ложка? Нет?

Люба уплетает руками тушеную капусту. Жует котлеты.

Люба. Надо же, хряпа, а вкусная! Я вообще капусту здешнюю терпеть не могу. А ваша вкусная!

Вера. Мама твоя к тебе ходит?

Люба. Чихала она на меня.

Вера. И не пишет? У нее есть еще дети, кроме тебя?

Люба. До хрена. Я у нее четвертая. После меня еще один.

Вера. А отец?

Люба. У каждого свой. Мне мой «Хэппи мил» один раз принес. Но братья отняли, я тогда еще мелкая была. У нас все мальчишки, кроме меня. Про самого старшего мы ничего не знаем, он пропал. Наверно, умер или сидит. А двое других с нами жили. (Люба громко рыгнула.) Ой, сорри.

Вера. Люба, а почему ты здесь, в дисциплинарном изоляторе?

Люба. Да сижу из-за дочки вашей! Я ее фотку повесила у себя над шконкой. Девчонки спрашивают, кто такая. Я наврала, что племяшка, что старший брат написал, его дочка. Другие письма из дома получают, от предков, от

пацанов своих! А мне никто не пишет! Повесила я фото, а к нам проверка приехала. Генералы какие-то. Один заходит и спрашивает, чего, мол, я жертву свою вывесила. И откуда он только узнал?! Дело мое, видать, смотрел. Я ему – какая жертва, это племяшка моя! Девки стали ржать надо мной. А у меня говно вскипело! И я драться.

Вера. С девками?

Люба. Торчу тут, на киче, одна-одинешенька... Да мне плевать. Со мной и так не общаются.

Вера. Почему?

Люба. Я ж в активе, я говорила.

Вера. Что такое актив?

Люба. Считаю, главный инструмент перевоспитания. Помощники воспитателей из заключенных. Борются с преступным миром его же руками. А проще – воспитание через коллектив, система Макаренко в действии.

Вера. Макаренко?

Люба. Ну ученый такой был, неужели не слышали? Вы же образованная. Ну к примеру: привезли нам кино. Одна дура из отряда провинилась. И весь отряд без кино оставила. Виновата одна – маршируют все. Под руководством актива, то есть меня и таких, как я. До провинившихся быстро доходит, как тут надо жить и работать. Нормальные товарки, оставшись из-за одной дуры без кино, объяснят ей все в популярной форме.

Вера. Быть в активе – значит быть стукачкой?

Люба. А мне по барабану. Я не просто в активе. А в СПП – секции правопорядка. Отрицалы, конечно, считают самой красной секцией. Но мне плевать на отрицал, у них своя жизнь. А мне на свободу досрочно надо.

Вера. В прошлый раз ты сказала, что тебе тут нравится.

Люба. Сегодня нравится – завтра не нравится... А на волю все же хочется! Я по лужам хочу походить. И на дереве посидеть.

Вера. Так это и здесь можно.

Люба (*мечтательно*). Не-е-е! Здесь – это не то. Проволока. Воспитатели. Я на дерево в поле хочу. Или в саду. А по лужам хочу на мосту. Если его, пока я тут сижу, не отремонтируют, асфальтом новым не залиют. Там выбоины на асфальте, в них вода скапливается.

Вера. Хе, лужи, дерево – странная мечта!

Люба (*искренне, светло*). Лужи все разные. Есть как печенье, есть как сердце, а есть даже... (*хихикнула*) на писюкан похожая лужа. Длинная такая, как у брата моего. Мы с братьями на мост бегали после дождя. Встанем в лужи и так делаем: мышка-мышка, засоси (*Люба пружинит коленями*). А потом хлюпом ноги вытаскиваем. А еще классно, что там бензин от машин. И мокрый асфальт – как радуга. Я как откинусь – сразу на тот мост!

Вера. Проходила я там. Дорога хорошая, гладкая.

Люба. Откатали, значит? Жаль... ну, не беда! Другие лужи найду!

Люба с удовольствием, облизывая пальцы, доедает то, что ей принесла Вера.

Вера (*глядит в окно*). Пистис-эльпис-агапэ... (*Разворачивается к Любе.*) Люба, а тебе не кажется странным, что я прихожу к тебе?

Люба. Да мне по барабану. Ко мне и журналист ходил. Приезжал даже режиссер, нас в кино снимал. Меня так дольше всех! Только фильма я не видела. Говорят, он за него награду какую-то получил! Меня теперь весь мир знает! Если не в ломы, скачайте и принесите в следующий раз, я хоть позырю. Наверняка в ютубе есть.

Вера. И тебе неинтересно, зачем я прихожу?

Люба (*глядит на Веру*). Я уж поняла, что не мстить пришли. Так что ходите себе, сколько влезет. Странно, что

вас пускают, вы же мне не родня. Но раз пускают, выходит, договорились вы.

Вера. А как ты думаешь, я к тебе одной хожу?

Люба. Не знаю. Мне по фигу.

Вера. А одной-то не скучно сидеть? Поговорить даже не с кем.

Люба. Это есть немного. Но и в общей камере мне не сильно нравилось. Моими соседками были две машки, одна шкура и Галька-пацанка. Она еще ничего была. А остальные – отстой полный. Я раньше с отрицалами сидела, грызлись мы там с одной. Мы еще с ней до этого в «Столыпине» подрались. Я палец ей за щеку сунула. Зашивали ей. Теперь шрам! И все поняли, что ко мне лучше не лезть. А вскоре я в актив, в СПП заявление написала. Меня, знамо дело, от отрицал к машкам пересадили. Машки это...

Вера. Трусихи, дурочки и неряхи. Тюремный планктон. Шкуры – униженки. Крысы, пойманные на воровстве у своих, грязнули, венерички по сто двадцать первой, детоубийцы.

Люба (ошарашенно). Я смотрю, вы в теме. Откуда масти наши знаете?!

Вера. Изучала вопрос. Ни в каком СПП ты не состоишь, ты – детоубийца, а таких презирают. Тебя и тут в круг выталкивали, думаешь, не знаю?! Тебе сейчас четырнадцать. Это здесь с тобой еще нянькаются, а через четыре года во взрослую переведут. И будешь там шесть лет униженкой жить, без зубов, без почек останешься. Потому что не мужика, не бабу, не старика-старуху, а ребенка убила. Ты – шкура!

Рассвирепев, Люба швыряет в Веру пустую посуду из-под еды.

Люба (агрессивно). Сама ты шкура! Я же не своего ребенка убила, а чужого! Не хрен было бесить меня!

Люба в ярости набрасывается на Веру, хватая ее за ворот платья, рвет его. Люба видит на шее Веры след от веревки. Отползает от Веры.

Люба. Вы че?.. Вешались, что ли?!

Вера встает.

Люба. Дура! В ад захотела?!

Вера. Устроили им тут санаторий! Живут, жрут! Фильмы смотрят! Выйдут – снова кого-нибудь убьют!

Люба. А пошла-ка ты отсюда! Стерва! Хезай в дальняк и вали!

Вера. Прячешься тут в одиночке, хорохоришься, а в отряд выходить ссышь! Шкура и есть!

Люба. Я с ней как с человеком! Иди, вешайся! А мне некогда! Мне еще уроки делать! Я эту четверть без троек кончить хочу!

Люба опускает стол, садится за уроки. Вера смеется. Некоторое время Люба это терпит.

Люба. Харе ржать! Вали отсюда.

Вера. Без троек? Для чего?!

Люба. Когда вырасту, врачом стану.

Вера. Тебя с судимостью не возьмут.

Люба. Клала я на это. Захочу – стану.

Вера. Как же?!

Люба (поворачивается к Вере). А я замуж выйду. За богатого. Он мне мою больницу построит. Или ветеринаром. Не людей, так зверей резать буду.

Вера, дабы унять гнев, произносит как заклинание «Пистис-эльпис-агапэ». Вера достает из сумки и протягивает Любе иголку с ниткой.

Вера. Зашивай, шкура, раз порвала.

Люба. Пошла ты!

Вера. Зашивай, тварь.

Люба вскакивает, отвешивает оплеуху Вере, Вера падает, роняет иголку. Люба разворачивается и вдруг видит, что на стуле, на котором она сидела, – пятно крови. Трогает себя сзади – кровь. По ноге течет капля крови.

Люба (испуганно). Ведьма!.. Ты чего творишь?

Вера. Иголку ищи. Платье зашивай.

Люба дрожащими руками ползает по полу в поисках иголки, берет иголку, поднимается. Становится рядом с Верой и кое-как зашивает на ней платье. В страхе отпрыгивает от нее.

Люба (дрожит). Кровь останови...

Вера. Плохо зашила-то! Криво, глянь!

Люба (в истерике). Кровь мою останови, ведьма!
(Орет.) Помогите! Ведьма!

Вера. Пистис, эльпис, агапэ.

Люба (барабанит в дверь). Откройте! Мама!

Некоторое время Вера будто любит страхом и паникой Любы. С улицы вновь слышны строевая песня: «Виновата ли я, виновата ли я...» и топот марширующих ног. Люба подставляет под себя руки, с ужасом смотрит на них.

Люба (хватает швейную иглу). Если не остановишь кровь, я вскроюсь!

Вера. А как же ад?!

Люба. Лучше ад, чем от ведьмы сдохнуть!

Люба колет себе запястья, поняв, что это бессмысленно, направляет иголку в глаз.

Вера (становится вплотную к Любе). А давай! Ослепни, тварь! Тычь себе, ну?!

Люба так и стоит с иголкой над глазом. Девочку трясет. Вера берет руку Любы, ту, в которой игла, отводит, опускает. Вдруг порывисто обнимает девочку. Через мгновение Люба вырывается и забивается в угол.

Люба (дрожащим голосом). Отче наш... че-то там на небесах... Помогите! (Мечется по полу камеры.)

Вера. Не бойся, глупая! У тебя менструация началась. Она у всех женщин бывает. Не знала, что ли?!

Вере с трудом удастся успокоить Любу. Люба во все глаза смотрит на Веру, на свои перепачканные кровью руки и ноги.

Вера. Раз в месяц такое бывает у всех женщин. Если женщина не беременна.

Люба. Так это не ты? Кровь мою пустила...

Вера. Нет, конечно.

Люба. Ты не ведьма?!

Вера. Пока нет.

Люба (выползает из угла). Ху-у... Я в СИЗО мамок под шконку загоняла, никогда ничего не боялась!

Вера. А от вида крови чуть коньки не отбросила. А еще врачом хочешь стать.

Люба. Так это же моя кровь! На чужую мне по фигу. Я думала, из меня вся кровь вытечет... Я прям поверила,

что вы ведьма! Вы еще так смотрели! И тарабарщину несли. Пипих-трипих... че за заклинание?

Вера. Пистис, эльпис, агапэ – это по-гречески вера, надежда, любовь. Или как глаголы: верую, надеюсь, люблю.

Люба. Фу... а я думала, черная магия! Из вас бы хорошая мамка вышла! *(Идет к раковине, смывает кровь с рук и ног.)* Это когда из взрослой к малолеткам в камеру сажают. Для порядка.

Вера. И вас, дур, уму-разуму поучить.

Люба. В СИЗО посадили к нам одну мамку, наркоторговку. Не ко мне посадили, у нас склонница обнаружилась – нервы сдали. Мамка ее учила-учила, все равно не уберегли, вскрылась.

Вера. А где та мамка теперь?

Люба *(вытирается)*. Откинулась. Обещала писать, не пишет. Дык а че делать-то с этой ме... мистрицией? Когда эта кровь остановится?

Вера. Мамка с вами сидела, а про менструацию не сказала? Другие девочки в камере были, наверное?

Люба. Ни у кого не видела. Меня с малолетками сажали. Пиптис... как там?

Вера пробегает глазами камеру, не увидев ничего подходящего, рвет кусок ткани от своего подола. Складывает несколько раз. Протягивает Любе.

Вера. Подложи. И скажи воспитателям, чтобы прокладки выдали. Их менять надо каждые три-четыре часа.

Люба берет у Веры самодельную прокладку двумя пальцами. Сложенная тряпочка разворачивается и виснет как шарф. Несколько мгновений Люба сдерживает смех и вдруг со злостью хохочет. Вера стоит в растерянности.

Люба. Мистриция! Слово какое смешное! Я и не знала, что течка так называется! Че, повелась?! Может, ты думаешь, что я и под мужиком не лежала?!

Люба скручивает оторванный длинный лоскут обеими руками и идет на Веру. Вера пятится. Люба набрасывается на нее, валит, обматывает лоскут вокруг Вериней шеи, душит.

Люба. А ну, говори, старая сука, зачем сюда таскаешься?! Сгубить меня думаешь? За дочку мстишь?! Никому больше не дамся! Задушу тебя, стерву, и перестану быть детоубийцей! И никто мне больше за делюгу не предъявит! Все будут знать, как я с тобой прям у себя в камере, под носом у оперчасти расправилась! А что я девчонку твою запинала – никто и не вспомнит! Во взрослой меня уважать будут, слышь, ты?! Бояться будут! Сдохни, гадина, сдохни!

Сцена 3

Открывается дверь, входит святой отец. Почувствовав, что кто-то вошел, Люба сильнее принялась душить Веру. Святой отец, увидев страшную сцену, запер скорее дверь и кинулся разнимать. Люба, увидев, что это святой отец, отпускает свою удавку. Святой отец помогает Вере сесть, осматривает шею. Люба смотрит на них некоторое время и как ни в чем не бывало спокойно говорит со святым отцом.

Люба. Здравия желаю, товарищ святой отец! Разве сегодня третий четверг месяца?

Святой отец. Сегодня вторник, тридцатое сентября, твои именины, Любовь.

Люба. Это типа день рождения?

Святой отец. День ангела.

Люба. А что же, сегодня лекции вашей не будет?

Святой отец. Ты за что с Верой Тимофеевной так?

Люба молчит.

Святой отец. Я по делам церкви еду и специально зашел тебя проведать.

Люба. Крутяк!..

Святой отец. Спросил у воспитателей разрешения подарить тебе Новый Завет.

Люба. Подарок? Мне?!

Святой отец достает Библию, дает Любе.

Люба (разочарованно). А... книжка...

Святой отец. Библия. А ты что подумала?

Люба. Я подумала, раз завет, то какое-то правило новое. Ну, или поблажка там... Только для меня. Что-то такое, что всем нельзя, а мне одной можно. Хотя бы на время.

Святой отец. Евангелие. Это благая весть. Много лучше любых поблажек. Ну, время не ждет. До свидания, Люба. Помни: Бог – есть Любовь. А Любовь – это ты.

Люба. Стойте! (Роется в Верином свертке, находит шоколад.) Мне тут кабанчика принесли... (Косится на Веру.) Угощайтесь.

Святой отец. Благодарю, Люба. В следующий раз обязательно чаю с тобой попьем.

Люба. А мне можно будет в церковь сходить, когда выйду? Я видела в одном фильме, там красиво, как во дворце!

Святой отец (кивнув Вере). До свидания, Любовь.

Святой отец выходит, но тут же заглядывает вновь.

Святой отец (с доброй улыбкой). Не нападай больше за Веру Тимофеевну. Обещаешь?

Люба, растерявшись от добра и света, который идет от святого отца, коротко кивает и, после того как закрывается за ним дверь, некоторое время стоит, прижимая к себе Новый Завет. Вера кашляет, потирая шею. Люба приходит в себя, небрежно пролистывает Библию, швыряет ее на стол к прочим учебникам. Вера достает из сумки материю, разворачивает.

Вера. Платье шить будем.

Люба расхохоталась.

Люба. Платье?! Кому?

Вера. Тебе. Мне Валентина Степановна сказала, что у тебя хорошо выходит шить. А я шить умею. И тебя научу.

Люба (хлопает себя по лбу). Ну конечно! И сколько у тебя такса? Оплата почасовая, как у шлюх?

Вера. Ты о чем?!

Люба. К Зинке Чистяковой тоже приходит одна. Не жертва, правда, а так... одинокая. Повадилась ходить. И почему-то именно к Зинке! Говорит, что Зинка похожа на кого-то там... В общем, Зинка ей и грубила, и била ее, все одно – ходит, жрачку носит, книги. Зинка страницы рвет и ими подтирается!

Вера. Меня зовут Вера Тимофеевна, ты помнишь?

Люба. Мне по хрену. Не позволю на себе бабки рубить! Гляди.

Люба срывает карточку Нади, рвет ее, швыряет Вере в лицо. Хватает со стола Библию, открывает, плюет между страницами, вырывает страницу, сминает, швыряет комом на пол. И Библия летит в угол камеры.

Люба. Вот вам благая весть! Ваш Бог – козел. И вы все – козлы! И мудака этот не вовремя пришел, не дал мне тебя кончить! Не уйдешь – запиною до смерти, как твоего гаденыша. Задушю! Плюс-минус два года мне погоды не сделают!

Вера. Пистис-эльпис-агапэ!..

Вера встает, достает из сумки швейный метр, блокнот, измеряет Любу, записывает.

Люба (почти не в силах скрыть слез). Я всех мочить буду, кто ко мне сунется! Чтобы одной на киче сидеть! Лучше одной сидеть, чем с ними!

Вера (измеряя Любу и записывая в блокнот). Стой смирно. Талия – 67. Плечи...

Люба (плачет). Больше никто меня не заподолит! Вам-то не понять! Чистенькая вся! А я думала, никогда не отмоюсь! До сих пор все там чешется и болит! А все потому, что статья у меня такая. И угораздило меня тогда девчонку вашу!.. На малолетке всех первоходов ломают, если за них актив или отрицалы не впишутся. За меня никто не вписался! Мне сразу же платье задрали, подол на голове перевязали и голой жопой в грязный толчок усадили (шмыгая, отмахивается от Веры, как от мухи назойливой). Да отвяжись ты от меня!

Вера (скручивая свой метр). Ты будешь профессию швеи осваивать, пока срок мотаешь. И учиться ты будешь не ради поблажек, а чтобы потом попытаться в институт поступить.

Люба. Ни хрена я не буду!

Вера. Будешь.

Люба. И кто меня заставит?!

Вера. Я.

Люба. Не имеете права. Вы мне не мать.

Вера. Ошибаешься.

Вера достает бумагу, показывает Любе. Люба хватается, пялится в лист.

Вера. Твою мать лишили родительских прав. Не без моего участия. А я оформила над тобой опеку. Так что по закону я твой опекун. И до совершеннолетия ты обязана меня слушаться.

Вера раскладывает бумагу, ткань – подготавливает все к шитью. Люба так и стоит с листом бумаги об опекунстве.

Вера. Хватит пялиться-то. Бери карандаш, выкройку будешь делать.

Вера берет бумагу из рук Любы, кладет на стол. Люба исполняет, но как-то заторможенно. Некоторое время Вера и Люба делают выкройку, ползают по ткани.

Вера. ...теперь вырезаешь это дело, крепишь к ткани английскими булавками. Берешь тонкий обмылок – им удобнее, чем мелом, пунктир рисуешь. Ну! Молодец. Ровнее рисуй. Простыни строчить большого ума не надо! Ты попробуй одежду сшей! И сама голая ходить не будешь, и заработать сможешь. Главное понять принцип, уметь грамотно раскроить, а сшить все это между собой – большого ума не надо. Рукава делать будем? Эй, оглохла? Рукава, говорю, делать будем?

Люба кивнула.

Вера. Подержи-ка вот тут. Прикальвай. Второй рукав давай сама делай. Соображай, как он должен. По волокнам ткани смотри.

Люба принимается собирать кусочки фотографии Нади.

Вера. Потом приберешься, рукав второй сделай, пока я не ушла. Ну что уставилась-то?!

Люба стоит как вкопанная, глядит на Веру. Вдруг бросается к столу, хватается бумагу об опекунстве. Смотрит в нее, на Веру. На глазах Любы – тихие слезы.

Вера. Поэтому меня и пускают. Потому что я тебе более – не чужая.

Люба едва сдерживается, чтобы не броситься в объятия Веры. Это естественное желание любви захлестнуло девочку, но она не двинулась с места. Вера тоже.

Люба (тихо, почти шепотом). Я врала... Мне здесь совсем не нравится... Я уйти хочу, очень... Перед выходом из карантина в отряд я мастырку сделала, чтобы от товарок спастись... Я потому и хотела задушить вас, чтобы меня на киче подольше одну оставили, как особо опасную...

Вера. Ты будешь одна, до самого конца, обещаю. В общую казарму не пойдешь.

Люба. Откуда знаете?..

Вера. От верблюда. Верь мне, я теперь твоя мать.

Люба прижимает бумагу к груди, по щекам ее катятся слезы.

Вера. Помнешь, отдай!

Люба отбегает от нее, мотает головой, бумагу не отдает. Вера набрасывает плащ.

Вера. Потеряешь – убью. Уроки сделаешь, сметай платье в одну нить, широкими стежками. Второй рукав без меня не вырезай, поняла?

Люба кивнула. Вера, взяв свою сумку, выходит из камеры. Некоторое время Люба сидит, внимательно изучая бумагу, затем собирает кусочки фото Нади, раскладывает их на столе. Поднимает с пола Библию. Ставит на стол. Подбирает с пола страницу, вырванную из Библии, расправляет ее.

Люба (бурчит). Любовь дол-го-терпит... не радуется неправ-де... все переносит... ай... хрень какая-то...

Люба небрежно кидает смятую страницу обратно. Берет иголку, начинает шить. Откладывает шитье, поднимает страницу, расправляет и убирает ее в Библию. Вновь берет иголку, садится сметывать платье. Свет медленно гаснет.

Сцена 4

Темнота или очень слабый свет. Слышна переключка. Мужской голос: «Соловьева!», женский: «Зоя Андреевна, статья 158-я, срок два года». Мужской: «Панкратова!».

женский: «Мария Николаевна, статья 162-я, срок шесть лет». Мужской: «Шепитько!» – «Галина Петровна, статья 213-я, срок три года». Мужской: «Гарбузюк!», женский: «Олеся Игоревна, статья 105-я, срок девять лет».

Женский церковный хор, тихие, но пронзительные голоса вливаются в переключку зэчек. Мужской: «Астахова!», голос Любы: «Любовь Дмитриевна, статья 105-я, срок десять лет». И постепенно появляется свет, церковный хор становится громче. Люба пишет за столом в одиночной камере, продолжая вслух комментировать свое письмо.

Люба. Приговорена к десяти годам за убийство из хулиганских побуждений. Невысокая, коренастая, темноволосая. Убила девочку восьми лет из хулиганских побуждений. Находясь в состоянии опьянения, употребив большое количество спиртного, отправляла естественные надобности рядом с детской площадкой. Повалила ребенка на землю, била ногами в голову, причинив открытую черепно-мозговую травму, прыгала на грудной клетке, переломы ребер, двусторонний пневмоторакс, разрывы внутренних органов.

Свет освещает камеру. На стене камеры висят собранное из кусочков фото Нади, плакат «Воспитанница, помни: твое пребывание здесь должно быть последним!». И бумага об опеке.

Люба (перечитывает написанное). Пострадавшая, не приходя в сознание, скончалась в реанимации. Экспертизой подсудимая признана вменяемой, но выявлены психопатические черты личности. Вину не признала, ущерб не возместила, извинений матери погибшей не принесла.

Дверь открывается, входит Вера. Она в зимней одежде. Входит в камеру привычно, будто к себе домой, отряхивает снег, раздевается, вешает одежду.

Вера. На тебя воспитатели жаловались. Опять с кем-то подралась? Контрольную по алгебре проверили? Это у тебя что?

Вера берет тетрадь, некоторое время глядит в нее, Люба причесывается, оправляется.

Вера (бормочет, читая написанное). ... выявлены психопатические черты личности. Вину не признала, ущерб не возместила, извинений матери погибшей не принесла. Что за ерунда?!

Люба. Сочинение. На свободную тему. Я «Капитанскую дочку» не прочитала. Училка сказала, кто не читал, на свободную тему можно.

Вера. Твоя свободная тема – твой приговор? (Кладет тетрадь на стол.) Надо было читать, что задали. А сочинение предполагает твои мысли, рассуждения.

Люба. Нет у меня мыслей! (Хватает платье и кидает Вере.) Некогда было читать – я ваше гребаное платье шила.

Вера. Это твое гребаное платье. Чтобы ты чему-то научилась в этой гребаной жизни! Чтобы был шанс на нормальную жизнь! Профессию! Тебе не сегодня-завтра на свободу. Кем ты собралась быть?! Врачом? Ветеринаром? Ха! Не мечтай даже! У тебя судимость – а это на всю жизнь! (Видя, что Люба хочет уйти.) Куда это ты собралась?

Люба. К бабушке на проповедь. Сегодня третий четверг месяца.

Вера. Сядь.

Несколько мгновений все в Любе сопротивляется. Ей хочется послушаться и уйти, но она все же садится за стол.

Вера. У тебя уроки не готовы (берет тетрадь с сочинением). «Находясь в состоянии опьянения, употребив большое количество спиртного, отправляла естественные...» (Вырывает из тетради лист, комкает.) Будешь новое писать.

Люба. Я не знаю, че писать! Я на проповедь хочу!

Вера строго смотрит на Любу. Люба на Веру. Люба все же берет ручку и принимается строчить.

Вера. Вот и славно. Пиши, что раскаиваешься. И больше никогда никому вреда не сделаешь. Порассуждай на эту тему.

Люба (бурчит). Не надо мне указывать, что писать.

Вера. Я из тебя хочу нормального человека сделать.

Люба (бормочет). Вы сами ненормальная...

Вера. Это почему?

Люба. Нормальный человек убийцу дочери не удочерит.

Вера. Кстати, можешь написать и об этом.

Вера достает из сумки швейную машинку, ставит на стол, принимается прострачивать платье, которое докроила и сметала Люба. Люба встает, насколько возможно, ходит по тесной камере с тетрадью в руках и записывает. Швыряет тетрадь Вере, которая шьет.

Люба. Теперь можно идти?!

Вера. Как ты себя ведешь? Ну-ка, возьми тетрадь и дай мне ее как следует.

Люба, перебарывая себя, выполняет. Вера смотрит в тетрадь.

Вера. Бог мой, ну и почерк! Читай вслух.

Люба берет тетрадь, Вера продолжает шить. От чтения Любы Вера постепенно останавливает свое шитье...

Люба (глядя в тетрадь). Астахова Люба. Сочинение на свободную тему. Четыре года назад я убила девочку, она меня выбесила. Но я не про нее хотела написать, а про ее мать, которая теперь моя. Почему-то эта женщина явилась ко мне и стала ходить. Еду носит. Хочет научить меня шить, говорит, что так я не пропаду. Хотя я и не думала пропадать. Если меня нигде на работу не примут и никто меня не полюбит, можно ведь и в монастырь уйти. Там всех принимают, только бациллу, наверно, не едят, ее ж из свиней делают. И там все добрые, как наш батюшка, который к нам ходит (имя старинное, никак не запомню). Я хочу называть ее мамой, но стесняюсь, не знаю, как она отреагирует. Честно говоря, я не понимаю, почему она так добра со мной, ведь я убила ее дочку. Вначале я боялась, когда она приходила, думала, она сюда саксан протащит и меня однажды пырнет. Но она меня иногда бесит, вот сегодня не пустила на проповедь к священнику. И мечтаю, что она поверит в Бога, это реально тема. Мне кажется, она пока еще не просекла фишку. Однажды я подумала, что она – ведьма, она говорила: «Пистис, эльпис, агапэ». А оказалось, это хорошие слова, только не по-нашенски. Она – Пистис, потому что Вера. А я – Агапэ, потому что Любовь. А Эльпис – это Надежда. Вера, надежда, любовь. Надежда между нами, но ее нет. Только мы, Любовь и Вера. А «Капитанскую дочку» я читать не

буду, она слишком толстая. И вообще, мне больше стихи нравятся, потому что там в рифму и они короткие. Все. Ошибки проверять будете?

Вера берет тетрадь, смотрит в нее. В это время Люба садится за машинку, дошивает платье.

Вера. «Не по-нашенски» – нет такого слова.

Люба. Ай, ладно! На четверку сканает.

Вера. Тебе у глаголов «тсья» – «тсья» повторить надо.

Люба заканчивает шитье, надевает на себя платье.

Люба. Ну как?

Вера откладывает тетрадь и оглядывает Любу в платье.

Вера. Мешком сидит. Ты похудела, что ли? Ушить надо.

Люба. Не надо! Мне и так красиво! Я в этом платье отсюда уйду!

Вера. За шесть лет оно тебе и мало станет. Для выхода другое сошьем.

Люба. Почему шесть? Может, меня досрочно освободят? Жопой чую, скоро откинусь. И – побегу!

Вера. На мост? В луже извозиться?

Люба. Или в парк на дерево! Заберусь на него, сяду и буду дышать!

Вера. А дальше что?

Люба. Работать пойду. Замуж выйду. Ребенка рожу.

Люба хватает с нар подушку и запихивает себе под платье.

Люба. Однажды нам кино показывали, только я название забыла. Я поглядела на женщину и тоже захотела пузатой ходить!

Сцена 5

Дверь открывается, в камеру входит святой отец.

Святой отец. Можно?

Люба. Святой отец!

Вера (сквозь зубы). Я же просила не приходить...

Святой отец. Здравствуйте, Вера Тимофеевна. Добрый день, Любовь. Что это у тебя?

Люба (покраснев, убирает подушку с живота). Это... мечты мои!

Святой отец. Хорошие мечты. Почему не пришла сегодня? Я о трех сестрах сказывал. Вере, Надежде и Любви.

Люба (рычит на Веру). Я сочинение писала!

Святой отец. Ставь чай. Договаривались же в прошлый раз.

Люба принялась суетиться, собирать на стол.

Святой отец. Подруги твои внимательно слушали, вопросы задавали.

Люба. У меня нет подруг! Я сама по себе.

Все усаживаются за нехитрый стол.

Святой отец. Есть надежда, что многие ко Христу придут. Когда выйдут, будут хорошими людьми, добрыми женами своим мужьям.

Вера не то усмехнулась, не то хихикнула. Повисла неловкая пауза.

Люба. Платье сшили, хорошо? Мне чалиться еще года четыре от силы. Если не примут меня нигде, в монастырь же можно?

Святой отец. Для этого в Бога уверовать нужно.

Люба. Дык я уже уверовала! (*Шепотом.*) Я даже разговариваю с ним. Вопросы разные задаю. И такое чувство, что он мне отвечает! Не словами, нет... Я просто чувствую, что рядом кто-то есть! Вы меня еще молиться как следует научите, окей? Отче наш на небесах! А то я как машка какая-то перед ним!

Святой отец. Любовь, то, что ты разговариваешь с Господом, и есть молитва! А мать Христа, чтоб ты знала, звали Мария.

Люба. Опупеть! Машки, выходит, святые?!

Святой отец. А Новый Завет ты читала?

Люба. Пыталась. Но там будто не по-русски написано. А про сестер мне тоже расскажете?

Святой отец. Жили во втором веке от Рождества Христова София и три ее дочери...

Люба. Пистис, Эльпис, Агапэ. Вера, Надежда и Любовь.

Святой отец. Они умерли мученической смертью из-за своей веры во Христа. Император Адриан хотел заставить их отказаться от веры в пользу язычества, но ни Софья, ни дочери ее не отказались. Тогда Адриан подверг их жестоким испытаниям. Софью он не тронул, но заставил смотреть, как издеваются над ее детьми: старшую, Веру, было ей, как тебе сейчас, на глазах матери беспощадно били кнутами, отрывая части от ее тела. Потом они положили ее на раскаленную железную решетку. Силой Божией огонь не причинил никакого вреда телу святой мученицы. Обезумевший от жестокости импера-

тор не вразумился чудом Божиим и велел бросить Веру в котел с кипящей смолой. Но по воле Господней котел охладился и не причинил исповеднице вреда. Тогда император велел отрубить ей голову.

Люба (со слезами). Вот гад!..

Святой отец. Расправились и с Надеждой, и с Любовью. Любовь была самая младшая. Ей было девять. Ее привязали к колесу и били палками, а затем отрубили голову. За верность Христу церковь причислила сестер и их мать к лику святых.

Вера. А Надю тоже канонизируйте, святой отец?! Ведь и она мученической смертью умерла. Ее и пинали, и на груди у нее прыгали!

Люба сжалась. Святой отец хотел было прикоснуться к Вере, но она не далась.

Святой отец (с болью). Раба Божья Надежда погибла не за Христа. Потому не может быть причислена.

Вера (орет). А за что она погибла?! И для чего родилась? Почему Бог дал ее? А потом забрал ее?!

Люба. Это не Бог забрал! Это я ее убила! Бог ни при чем! Он добрый! Он всех любит!

Вера. Замолчи! Не могу больше! Не приду больше! (Барабанит.) Откройте! Выпустите!

Люба (бросается к Вере). Вера Тимофеевна, не уходите! Святой отец, помогите!

Вера (опускается на пол, плачет). Я больше не могу... я думала, что могу, а я не могу! Все, конец, конец! Не могу ни простить, ни принять, ни любить тем более! Я сдохнуть хочу! (Отталкивает Любу.) Чудовище, не тронь меня! Не верую! Не люблю! Не надеюсь! Проклинаю тебя, собака! Себя проклинаю! Дьявол! Убийца! Пустите меня...

Святой отец (крепко прижимает Веру к себе). Вера, Вера, родная, приди в себя! Вернись ко мне!

Вера. И тебя проклинаяю, сволочь ты последняя! Всю жизнь в молитвах провел! И где твой Бог?!

Некоторое время святой отец держит Веру в руках, пока та бьется, но вскоре Вера затихает. Люба в ужасе смотрит на них.

Люба (страшным шепотом). Святой отец... Вы... вы...

Святой отец. Да.

Люба. А вы знали, что я...

Святой отец встает и помогает Вере встать, сажает на нары.

Люба. Как в первый раз пришли – знали?..

Вера. Мне говорили твои прихожане, чтоб я не ходила к ней, а я хожу и хожу. Пытаюсь понять, принять, смириться! Простить, полюбить! Служить ей пытаюсь! Ты говорил, от этого мне легче станет! А я вижу ее и – не-на-ви-жу! Вижу и ненавижу! И себя ненавижу! И тебя ненавижу! Пытаюсь делать ей добро, а руки так и тянутся придушить!

Святой отец. Люба – ребенок. Такой же ребенок, как наша Надя. Только постарше. Ребенок, у которого никогда не было матери. Здесь все – дети, а не чудовища.

Вера. Какие дети?! Я видела этих «детей»! Целый табун половозрелых злющих сучек!.. Их всех стерилизовать надо, чтобы не размножались! (Тихо, сквозь слезы.) И меня вместе с ними...

Вера плачет, Святой отец и Люба смотрят то на Веру, то друг на друга, но коснуться Веры не решаются. Через

некоторое время она устало оттирает слезы и говорит спокойно.

Вера. Хочешь, таскайся сюда, через весь город, учи их уму-разуму. А я ухожу. В Бога я больше не верую. И в миру не выживу. (Усмехнувшись.) Не бойся, я себя убивать не собираюсь. Ежели про ад и рай правда, мы с дочкой не встретимся. Бог меня долгой жизнью накажет, я знаю. Всю жизнь я буду и Любу всем сердцем ненавидеть, и себя за то, что вовремя не оттащила ее от Нади!..

Люба (не своим голосом). Вера Тимофеевна...

Вера. Я тебе более не жена. В монастырь уйду и ждать там смерти буду.

Святой отец. Родная, в монахини от глубокой веры стригутся. Не веровать – так монастырь тюрьмы не лучше.

Вера. Ты сказал: если я убийце служить смогу, то и перед Христом смирюсь.

Святой отец. У всех людей лишь два пути: либо к свету, либо к тьме.

Вера. Тьма выиграла. В схватке за мою душу победил не Бог.

Святой отец. Выходит, и не было Бога в тебе.

Вера (с болью). Да! Во мне его никогда не было! Мне его навязали! Меня им с самого детства мучили! Я мечтала сбежать от Бога в нормальную жизнь! Думала – вырасту, буду жить как хочу. А тут ты нарисовался! И отец меня за тебя замуж отдал. И что хорошего вышло из нашей семьи?! Что ж твой Бог не позаботился о нас?

Вера некоторое время ждет реплики от мужа, но Святой отец молчит. Вера одевается. Стучит в дверь – один длинный, два коротких. Ей открывают, она выходит. Священник и Люба остаются одни.

Люба (наконец придя в себя после потрясения). Бегите же за ней! Ведь она повесится! Или под поезд кинется!

Святой отец. Это не она... Это бесы в ней. Как в тебе были. Это они мою дочь твоими руками убили.

Люба (тарашчит на свои руки). А теперь их нет? Они из меня ушли?! К ней перешли?!

Люба стучит в дверь своей камеры.

Люба. Эй, вы! Гусыня! Кума! Догоните ее! Не выпускайте! (Святому отцу.) Что же вы сидите?!

Святой отец. Люба. Давай молиться за нее. Это все, что мы можем.

Люба (мечется по камере). Молиться?! Молиться и все? Я не умею! Я наизусть не знаю! Господи, береги мою мать! Не ту, что родила, а эту, новую, Веру Тимофеевну! Чтобы она ничего с собою не сделала! Чтобы не умерла, а если и умрет, ты ее в рай, в рай! Пожалуйста, Боже! Это единственное мое желание! Я все что хочешь для тебя сделаю! Материться перестану! Машек защищать буду, во имя Марии, матери твоей! Пусть меня не любит, пусть не приходит больше, пусть я и вовсе не выйду, но она пусть живет!..

Постепенно свет гаснет.

Сцена 6

Мягко появляется свет. Камера Любы. Окно открыто, через решетку доносится птичье щебетанье. Возможно, зеленая ветка дерева лезет через решетку в камеру Любы. Слышны строевая песня и звук марширующих ног. В камере два-три торсовых манекена, на них платья, блузы. На столе швейная машинка. Люба, семнадцатилет-

няя девушка, дошивает на машинке изделие. Под глазом Любы синееет-желтеет проходящий синяк. На Любе то самое платье, которое они сшили когда-то с Верой, их первое платье. Лязг засова, входит Вера. Она в летнем платье. Люба застывает за своим шитьем и через несколько мгновений приподнимается навстречу Вере. Обе вроде и хотят обняться, но не решаются. Хотят заговорить, но молчат. Немного смутившись, Вера осматривает (не без гордости) плоды своего обучения. Что-то подправляет на манекене. Люба наблюдает за ней.

Люба. Это гусыня... то есть воспитатель из второго отряда заказала.

Вера проверяет каждую вещь на манекенах и наконец подходит к Любе, смотрит платье на ней.

Люба. Платье помните? Сшили с вами когда-то. Я его теперь надеваю, чтобы день выхода приблизить. Я в этом платье отсюда уйду и больше никогда сюда не вернусь. У меня теперь есть профессия. Я всю колонию обшиваю. Мне и машинку, и иглы, все теперь можно. Перо даже если найдут – слова не скажут. Мне верят, Вера Тимофеевна! Доверяют, представляете? Я даже в кино, бывает, не хожу. Уткнусь тут в очередное платье и сижу до самого отбоя. (Пауза.) Чаю?

Мгновение, и Люба порывисто обнимает Веру, вся прижимается к ней. Через несколько секунд Вера одной рукой приобнимает Любу.

Люба. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится. Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. Не радуется неправде, а сорадуется истине. Все

покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает. Эти стихи из первого послания к Коринфянам я более всего люблю! Как же я ждала вас! Долго терпела! Пистис, эльпис, агапэ! Отец уверял, что вы рано или поздно придете! Не можете не прийти!

Вера видит фото дочери на стене. Отстраняется от Любы.

Люба. Вы зря ушли от него. Отец вас любит. Он велел мне молиться за вас и ждать вас. И сказал, что и вы тоже ждете меня. И что я – ваша дочь, и по закону, и по сердцу. Он простил меня за Надю. А вы? *(Пауза.)* Эти годы, пока вас не было, я, когда шила, будто с вами разговаривала. Мне казалось, что и вы сидите и шьете где-то, и что, если мы обе шьем, мы вместе.

Вера смотрит на фото Нади, сминает его, швыряет.

Люба. Порой я представляю, какой могла бы быть Надя. Сейчас ей было бы примерно столько же лет, сколько было мне, когда я сюда попала. Еще я думаю иногда, кем бы она стала: врачом? Актрисой? Хотя отец, наверное, не позволил бы ей быть актрисой. *(Пауза.)* Я убила человека и отбываю наказание. Отец крестил меня, а значит, Бог взял мои грехи на себя. Я себя пытаюсь простить. Потому что Бог меня простил. Я больше не убью, не украду. Я честно буду жить. Отец сказал, что перемена, которая произошла со мной, – чистое чудо. Милостью Божьей я теперь другой человек, Вера Тимофеевна. Мама...

Некоторое время Вера молчит.

Вера. Я тебе не мама...

Люба. Вы мать мне. Так отец сказал. И у вас с ним будут еще дети, мои братья и сестры.

Вера. Никаких детей у нас с ним не будет. Я, когда Надя родилась, втайне от мужа таблетки пила, чтобы не забеременеть вновь. Хотя нам по вере не положено...

Люба. Отец давно не приходил ко мне. И на проповедь не приходит. Он здоров?

Вера. Люба... Когда выйдешь, иди вот по этому адресу. *(Пишет адрес.)* Там мои родители. Они помогут тебе устроиться.

Люба. Отец говорил, что после освобождения я у вас буду жить.

Вера. У нас ты жить не будешь.

Люба. Я понимаю... Я знала. Вы никогда не простите меня за Надю.

Вера вдруг сползает на пол, мнет свое лицо.

Вера *(воет)*. Я себя не прощу за Надю!..

Люба. Вы не виноваты! Это все бесы! Моими руками! *(Кидается успокаивать Веру.)* Они и вас в тот момент отвлекли!

Вера. Она же дочка! Она же моя дочка!..

Некоторое время Вера, будто зверь раненый, воет, а Люба пытается уговорить, уговорить ее. Обе крепко слились друг с другом, но Вера вдруг отстраняется от Любы.

Вера *(страшным шепотом)*. Люба. Я видела.

Люба. Кого?

Вера. Тебя.

Обе во все глаза глядят друг на друга.

Вера. Я видела. Как ты вскочила, подтянула штаны и бросилась на Надю. Я видела.

Люба не сразу приходит в себя.

Вера. Я договорилась по телефону и собралась было позвать Надю домой. Гляжу, ты бросаешься на нее, валишь ее на землю. И... я... (задыхается) отвернулась... и... сделала... вид... что продолжаю... говорить!..

Люба сидит как вкопанная. Затем ползет, встает, то одно возьмет, то другое, то в один угол камеры попятится, то в другой. Вера все еще на полу.

Вера. Я видела! Видела! Видела! Я хотела побежать, вырвать от тебя дочь, но опять отвернулась, досчитала до десяти и подумала, что уж теперь-то точно, наверняка! Насмерть!.. (Долгая пауза.) Не в тебе одной бесы, Любовь.

Через некоторое время Люба берет комок – фото Нади, расправляет его, всматривается. То на фото глядит, то на Веру.

Вера. Отчего Бог дает алкоголикам здоровых детей? Почему он вообще дает им детей?! Твоей матери, например? А нормальным людям – либо больных, либо не дает вовсе? Все эти годы ты тарасилась на Надю. Неужели не заметила, что она – не умная?! Что у ней никаких мыслей нет! У нее же это на лице написано!.. Муж говорил, что такой ребенок дан Богом для очищения рода! А что плохого в моем роду?! У меня все глубоко православные в сто пятом поколении! С детства меня заставляли все посты соблюдать! Стихи наизусть учить! Службы стоять! В хоре петь! Подруги гуляют, а я пою! А я тоже хотела гулять, играть! Бог с детства был для меня тюрьмой!

Я уже в институт поступила было, но отец выдал меня замуж за такого же, как он сам! И продолжилась эта невыносимая божественная жизнь! (Пауза.) И вдруг – ребенок! Я радовалась, так радовалась!.. Но моя дочь оказалась инвалидом!.. Умственно отсталой! Синдром Ретта, редкое генетическое заболевание. Вот тебе и Бог! Я его сразу возненавидела! Муж говорил, что Надежда – не инвалид, но ангел во плоти! Господи! Не нас очищать-то надо! Мы и так – чистые! Ты бы лучше ее мать очистил! Тут полна тюрьма ей подобных выродков!

Люба медленно идет к раковине, пьет воду, умывается.

Вера. Я сначала уговорила себя, что и правда не видела, как ты Надю бьешь. Что ты – чудовище, напала на мою дочь и убила ее. Убивалась от облегчения своего, что теперь я свободна, и от ужаса, что причастна к этому убийству. (Пауза.) Как такое может быть?! Сердце и болит, и поет?! И кровью обливается, и радуется?! Сначала я думала, что врачи ошибаются, что мой ребенок будет как все. Пока она была малышкой, никто и не замечал, что она... особая... Я ее любила. Грудью кормила и думала, что рассмеюсь в лицо врачам, которые называли мою девочку умственно отсталой. Но чем больше она росла, тем больше я понимала, что не хочу ее рядом с собой, в своей жизни не хочу! Ни ее, ни ее проклятого отца! Но я, как меня с детства приучали, смирилась и жила, не в силах ничего изменить. Терпела ее. Мучилась ею, собою, мужем своим. Ненавидела себя за то, что не люблю ее! И вдруг – ты! Спасенье мое! Несчастье мое!

Через некоторое время Люба обретает дар речи.

Люба. Отец знает?

Вера мотает головой.

Люба. Кто-то другой?

Вера (с иронией). Только ты, я да Господь Бог. Если тебе будет легче, знай: ты убила того, кто никогда бы никем не стал. Ни врачом, ни актрисой... ни даже монашкой в монастыре.

Люба. Это ничего не меняет. Я убила человека. Не я ей жизнь дала, не мне и отнимать.

Вера (внимательно смотрит на Любу, убирает с ее лица прядь волос). А ты и правда очень изменилась за эти годы. Если бы ты не попала в колонию, то, возможно, осталась бы прежней. Трудный подросток. Позже – придорожная шлюха... (Пауза.) Надя часто мне снится. Она ведь не сразу умерла, не на детской площадке, а в реанимации. Ей еще операцию делать взялись! Я в оцепенении стояла и сама не знала, чего ждала: то ли смерти ее, то ли жизни. И когда ее в реанимацию положили, меня к ней пустили. И тут я поняла, что натворила. Выживет она или нет, а мне спокойной, вольной жизни, к которой я так стремилась, не будет никогда!..

Некоторое время Вера и Люба молчат.

Люба. Вера Тимофеевна, вы... Ждите меня дома. Возвращайтесь к отцу. Я буду молиться за вас. И вы молитесь, чтобы Бог успокоил ваше сердце.

Вера. Я не умею молиться...

Люба. Вы просто говорите с Ним, это и есть молитва.

Вера (с болью). Я не могу говорить с тем, кого не вижу!

Люба (порывисто обнимает Веру). Вы меня спасли! Сами погибли, а меня спасли!

Вера. Я себя спасала! Себя, не тебя!

Люба. Я чуть с катушек не съехала от заботы вашей! Меня с первого дня отрицалы заставили за делюгу ответить. Я здесь совсем одна была! И до колонии совсем одна! И вдруг – вы! Мы всегда, всегда будем вместе.

Вера (вырывается от Любы). Я пропала, Люба. Я – чудовище. Тебе нельзя со мной!..

Люба. Мне с вами нельзя, а вам со мной – можно. Нужно. Я вас не оставляю. Возвратитесь к отцу. Скрывать от него неправильно. Хотя не говорите ему, мы вместе расскажем, когда я выйду. Он простит и поймет. А если прогонит, проклянет – мы вместе уйдем! Мы ведь обе шить умеем, значит – не пропадем. Мне недолго осталось, я чувствую!

Вера (холодным голосом). Это точно.

Вера медленно достает нож.

Вера. За убийство своего ребенка я должна быть наказана. Как ты говоришь? За делюгу ответить! Мне никто не поверит, если я расскажу, как все было. Меня будут презирать, но не посадят. А если я... другого человека убью – меня посадят. За дочь отомстить, себя наказать!

Люба во все глаза глядит на Веру.

Вера (медленно приближается к Любе). Что же ты на помощь не зовешь? Так и будешь стоять?

Люба немного отходит от Веры, дойдя до угла, садится. Вера хватает ее за волосы и вытаскивает из угла на авансцену. Пристраивается к ней сзади, приставляет к горлу нож.

Люба. Господи! Эта женщина собирается причинить мне боль! Прошу тебя, не оставь ее, это мать моя. Прости ее за меня, за Надю и успокой ей сердце. Пистис, эльпис, агапэ!.. Верую! Люблю! Надеюсь! Пистис, эльпис, агапэ!..

Вера все не решается полоснуть по горлу, через некоторое время опускает нож, отползает от Любы. Люба,

обессилев, падает на пол. Некоторое время Люба лежит, а Вера сидит на полу с ножом.

Люба. Я люблю тебя, мама.

С диким воплем Вера кидается с ножом на Любу. Бьет ее в живот. Бьет еще раз. Свет гаснет.

Сцена 7

Пустая камера. Откидной стол, двухъярусные нары, стул, отхожее место. На столе сверток. Вера в тюремной робе стоит и смотрит на сверток. Разворачивает его, достает письмо, раскрывает, читает.

Голос Любы. Здравствуй, мама! Мы с отцом живем хорошо. Мы решили уехать из города, чтобы ничего не напоминало о прежней жизни. У отца свой приход. Я работаю в ателье, а по воскресеньям занимаюсь с детьми в воскресной школе при нашей церкви. Отец не любит о тебе говорить, но он тебя любит, я чувствую! Молюсь за вас! Органы не задеты, зашили меня хорошо, шрама почти не видно, врачи сказали, что жизни моей ничего не угрожает.

Вера откладывает письмо, достает из свертка платье, которое они сшили вместе с Любой.

Голос Любы. Кровь с платья я вывела и ушила его для тебя. Как откинешься, наденешь его и уйдешь в нем, как я когда-то. Верю в тебя, люблю тебя. Пистис, эльпис, агапэ.

Вера прикладывает платье к себе. Смотрит прямо. Медленно гаснет свет.

Занавес.